

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени У.Д. АЛИЕВА**

* * *

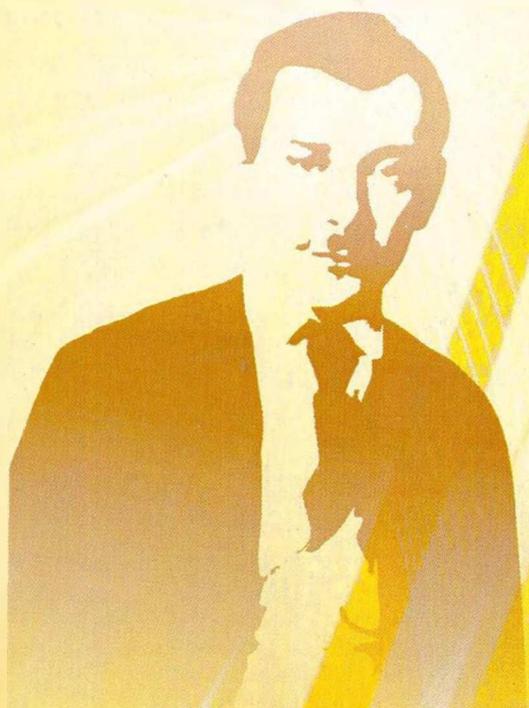

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«АЛАШАРА»**

* * *

**МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН**

**АНАТОЛИЙ
НЕСТОРОВИЧ
ГЕНКО
И КАВКАЗ**

Материалы международной научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося
филолога и этнографа современности

ЧЕРКЕССК - 2021

**Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева**

***

Автономная некоммерческая организация «Алашара»

***

**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской Академии наук**

АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ ГЕНКО И КАВКАЗ

Материалы международной научной конференции
25-26 ноября 2021 г.

Карачаевск – 2021

УДК 946.11+494.3 Печатается по решению редакционно-
ББК 81.2 Кав. издательского совета Карачаево-Черкесского
государственного университета имени У.Д. Алиева

Анатолий Несторович Генко и Кавказ /Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося филолога и этнографа. – Карачаевск: КЧГУ, 2021. - 360 с.

ISBN 978-5-8307-0663-6

Редакционная коллегия

Пазов С., ответственный редактор,
Ионова С. Х., Клычев А. В., Хасароков Б. М.

В сборник включены материалы международной научной конференции «Анатолий Несторович Генко и Кавказ», которая была проведена в г. Черкесске Карачаево-Черкесской Республики 25-26 ноября 2021 г.

В представленных работах рассматриваются вклад выдающегося филолога и этнографа А. Н. Генко в развитие исторического и лингвистического кавказоведения в первой половине XX, значение научного наследия ученого и актуальные проблемы языкознания, литературоведения, фольклористики, этнологии, социологии современности.

Издание адресовано ученым, преподавателям, студентам, аспирантам и всем читателям, интересующимся проблематикой кавказоведения.

Ответственность за сведения, содержащиеся в материалах сборника, несут авторы статей.

Проведение конференции и издание настоящего сборника материалов научного форума осуществлены при финансовой поддержке фонда «Алашара» в рамках реализации «Программы по сохранению и развитию абазино-абхазского (Абаза) языка, литературы и истории (2020-2026 гг.).

ISBN 978-5-8307-0663-6

© Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У. Д. Алиева, 2021

ИЗ ИСТОРИИ АБХАЗСКИХ ЛАТИНИЗИРОВАННЫХ АЛФАВИТОВ

В. А. Чирикба

*Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа Академии науки Абхазии
д.филол. н., профессор, академик АНА,
г. Сухум, Республика Абхазия*

***Аннотация.** В статье рассказывается о перипетиях принятия двух проектов абхазского алфавита на основе латинской графики – т.н. «аналитического» алфавита, предложенного академиком Н.Я. Марром (пользовались в 1926-1928 гг.) и другая версия латиницы, т.н. «унифицированный алфавит», которой пришел на смену алфавиту Марра и которым пользовались в Абхазии с 1928 по 1938 гг.*

***Ключевые слова:** абхазская письменность; латиница; аналитический алфавит; Н.Я. Марр; Е.Д. Поливанов; унифицированный алфавит.*

Как известно, первые записи на абхазском языке были сделаны в середине XVII в. турецким путешественником Эвлия Челеби арабско-османским шрифтом. До 1919 г. все абхазские алфавиты – П. Услара, И. Бартоломея, Д. Мачавариани и Д. Гулиа и А. Чочуа, были созданы на основе русской графики. В диаспоре педагог и просветитель Мустафа Бутба разработал латинский абхазский алфавит и азбуку, которая была опубликована в 1919 году в Стамбуле [28], что примечательно, за семь лет до абхазского латинизированного алфавита Н. Марра и за девять лет до того, как Турция перешла на латинский алфавит. Этот алфавит явился одним из первых опытов создания письменности для кавказского языка на латинской графической основе. Однако вскоре и на Кавказе, в том числе и в Абхазии, задумались о переводе имеющихся кириллических шрифтов на латиницу.

Советская политика латинизации.

Чтобы понять, почему в середине 1920-х гг. возникла необходимость перевода абхазской графики с русской на латинскую, надо вспомнить о той эпохе, когда создавались латинизированные алфавиты для народов СССР. Молодая советская держава жила ожиданиями грядущей мировой революции, и латинская графика виделась как инструмент интернационализма и едине-

ния мирового пролетариата. Существовали серьезные планы по переводу на латинскую основу даже русской письменности. Латинизация алфавитов этнических меньшинств бывшей Российской империи рассматривалась советскими вождями как явление прогрессивное и имеющее глобальную перспективу. В мусульманских же регионах бывшей империи переход на латиницу дополнительно поощрялся с целью ослабления и ликвидации исламского религиозного и культурного влияния, тесно связанного с исламским кораническим образованием на основе арабского языка и письменности.

Еще в 1919 году Научный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос) высказался «...о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики ... что является логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов» В 1928 году нарком просвещения Анатолий Луначарский в «Красной звезде» от 6 и 7 января выступил с предложением латинизации русской письменности, утверждая, что сам Ленин говорил ему о необходимости такой реформы.¹ В 1929 году Наркомпрос образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита во главе с известным лингвистом и кавказоведом, профессором Николаем Феофановичем Яковлевым, с участием лингвистов, книговедов и полиграфистов.² В статье «За латинизацию русского алфавита» Николай Феофанович Яковлев [26, с. 35) писал: «На этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада». Подчеркивал идеологическую направленность выбора алфавита и Анатолий Несторович Генко, который считал, что «после Октябрьского переворота» именно латинский

---

1. https://www.philol.msu.ru/~rki/alphabet/nesost_reform.html.

2. Журн. «Северный Кавказ», № 41, сентябрь 1937, Варшава, Париж, с. 39.

3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_латиница.

алфавит стал «главным фактором культурной революции» для бесписьменных и младописьменных языков Кавказа.¹

Однако ситуация осложнялась тем, что, разделяя общую идею о необходимости универсальной латинизации алфавитов народов СССР, здесь схлестнулись две конкурирующие школы латинистов – марристы и оппонировавшие им группы, включая Н.Ф. Яковлева, Е.Д. Поливанова и их единомышленников.

Н.Я. Марр предлагал использовать разработанный им для научных записей абхазского языка т.н. «аналитический» алфавит на базе латинской графики в качестве основы для создания латинизированных письменностей других народов СССР. Как он объяснял, «Абхазский алфавит тем удобен на первых порах для примерного изложения яфетидологической транскрипции, что, будучи цельным в себе, т. е. алфавитом одного языка, он вмещает знаки, выразители такого разнообразия звуков, что с избытком может удовлетворить потребности в изображении звуков большинства языков, даже яфетических языков, а количественно всегда их превосходит, так в трехзначных буквах, в роде t° , надобности не имеется почти ни в одном из других яфетических языков» [14, с. 39].

Учитывая авторитет, влияние и энергичный характер академика, можно понять, как эти планы не на шутку встревожили тех в национальных республиках, да и в центре, у которых имелись иные идеи касательно традиционных либо вновь создаваемых алфавитов.

Академика Марра, хотя он родился и вырос в Грузии и был наполовину грузином, на родине не очень любили из-за его подчеркнутого интернационализма.² В то же время, у него сложились отличные отношения с интеллигенцией и руководством Абхазии. Марр увлеченно и много занимался абхазским языком и опубликовал ряд ценных работ, включая первый, по сути, диалектный, словарь абхазского языка. Естественно, что именно Абхазии была уготована «честь» стать плацдармом для внедрения «аналитического» алфавита Марра, который, представлял собой не что иное как научную фонетическую транскрипцию, причем сложную и неудобную даже для лингвистов.

---

4. Рукопись в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. Фонд 74 (архив А.Н. Генко).

2 См. [16, с. 75-76, 143, 239-240 и др.]; см. также [29].

Для самого Марра принятие в Абхазии созданного им латинизированного алфавита имело огромное значение: после его успешного внедрения в маленькой республике, замышлялось победное шествие аналитического алфавита по всему Советскому Союзу, а там, глядишь, и по миру. В статье «Новый абхазский алфавит», напечатанной в 1924 году в газете «Голос трудовой Абхазии» (в номерах от 18, 19 и 20 сентября), Марр писал: «Вообще, естественно, *на такой алфавит мы не можем не смотреть, как на предназначенный быть общекавказским и далее*, т.е. предусматривается покрытие им разрывов, существующих между народами в письме, *объединение в письме всех.*» (выделение автора, см. [15, с. 263]). Академик писал педагогу М.А. Чочуа 25 мая 1927 года: «одной ногой <...> абхазы уже вступили <...> на новую общую для дальнейшего прогресса всего человечества почву, с учетом возможностей неизбежной в будущем унификации письма всего человечества» [24, с. 257].

Один из последователей Марра, С.А. Врубель [7, с. 128], разъяснял: «Необходим такой алфавит, который был бы мировым, т.е. который мог бы отразить в себе звуки в мировом масштабе <...> Яфетическая теория так вопрос и ставит. Н. Я. Марр создал алфавит для абхазского языка, этим он положил основание для мирового алфавита; дело специалиста... использовать этот алфавит и внести в него знаки., тем самым обогащая основную таблицу мирового алфавита».

О вселенских планах Марра был осведомлен и А.М. Чочуа [25, с. 100]: «Марр давно собирался заменить абхазский алфавит своим аналитико-яфетическим алфавитом. Замысел его заключался, видимо, в том, чтобы проверить научно и практически свой алфавит на абхазском языке, а затем по возможности распространить его за пределами Абхазии».

Как подчеркивал ученик и горячий сторонник Марра, абхазский филолог Арсений Хашба [22, с. 47, 48], «составлению и введению абхазского нового алфавита Н.Я. Марр уделял огромное внимание, он не раз ездил в Абхазию, писал в Народный Комиссариат Просвещения тов. Чочуа. Имеющаяся у нас переписка Н.Я. Марра с А.М. Чочуа и вообще высказывания Марра говорят об этом исключительном внимании. <...> Для введения нового алфавита и упорядочения работ и его упрощения для письма, Н.Я. приезжает в Абхазию два раза в течение 1924 г. и

делает несколько докладов. В оба свои приезда Н.Я. Марр принимает участие в работе комиссии Наркомпроса Абхазии по выработке и уточнению представленного им проекта нового алфавита».

Процесс принятия решения о смене абхазского алфавита проходил нелегко, в горячих спорах и дискуссиях. Так, к идее латинизации абхазского алфавита отрицательно относился известный абхазский общественный деятель Семен Ащхацава, что очевидно из его доклада «Пути развития абхазской истории», прочитанного 12 сентября 1924 года на состоявшемся в Абхазии I-м Всесоюзном Краеведческом съезде (см. [4, с. 38]). Ащхацава утверждал, что латинский алфавит содержит еще менее знаков, чем русский, и потому не может рассматриваться как лучшая альтернатива действующему кириллическому алфавиту на основе алфавита Услара.

Резко отрицательную позицию по предложенной академиком Марром смене кириллического усларовского алфавита на созданный им латинизированный алфавит занял просветитель и соавтор третьего (после Услара и Бартоломея) по счету абхазского кириллического алфавита Дмитрий Гулиа. Об этом пишет сын писателя в своей биографии Д. Гулиа: «Поскольку ... предложение [о новом алфавите] было осуждено именем Марра, оно не встретило возражения в руководящих кругах, тем более, что аналитический алфавит был принят и в некоторых северокавказских республиках. Это безрассудное и ничем не обоснованное мероприятие не прошло гладко. Против него буквально восстал Гулиа. Его поддерживала большая группа интеллигенции, особенно учительство. Поэт неустанно доказывал, что алфавит труден, практически неприменим» [8, с. 169-170].

И все же состоявшееся 30 июня 1924 года собрание специальной комиссии в составе наркома просвещения С.Я. Чанба, его заместителя А.М. Чочуа, Д.И. Гулиа, Н. Патеипа, С. Басария и др., а также самого Н.Я. Марра, постановило «единогласно <...> в основу принять латинский шрифт, для этой цели одобрить составленный академиком Марром «Абхазский аналитический алфавит». Просить его пересмотреть шрифт, упростив письменное начертание как со стороны легкости, так и художественности» [15, с. 264].

В письме к Нестору Лакоба, говоря о принятом 30 июня его латинском шрифте для абхазского языка, Марр сообщает, что он его приспособливает к рукописному использованию и готовит записку о нем для доклада на абхазском краеведческом съезде в Сухуме.¹

Через год, 11 октября 1925 года, заседание при Наркомпросе Абхазии в присутствии Н. Марра, главы Абхазии Нестора Лакоба, а также С. Ащхацава, С. Басария, А. Чукбар, С. Патеипа, К. Дзидзария и др., после дискуссии вновь постановило перейти на новую систему письма, приняв за основу алфавит, составленный Марром и одновременно создать комиссию для упрощения этого алфавита [24, с. 300].

Вовсе не случайно оба цитируемых постановления содержали пункт о необходимости упрощения алфавита Марра. Даже лояльный к Марру Чочуа прямо написал академику, что полученный от него алфавит «произвел на всех нас невыгодное впечатление своею сложностью, трудностью начертания букв и их многозначностью». Чочуа позже вспоминал: «Хотя марровский алфавит был принят на коллегии, но не единогласно: многих членов коллегии не удовлетворяло большое количество букв (76) в новом алфавите, а также сходство и трудность начертания многих из них. Высказывалось также резонное опасение, что замена старого алфавита новым может затормозить на многие годы развитие абхазского языка и литературы» [25, с. 100, 210].

Писатель Георгий Гулиа вспоминает заседание, посвященное алфавиту Марра в Абхазской академии и жесткую критику алфавита его отцом, выдающимся поэтом Дмитрием Гулиа. Позднее сам поэт писал: «Предложенный им [Н.Я. Марром] алфавит, принятый во многих республиках Кавказа, мной был категорически отвергнут. Это резко охладило наши взаимоотношения. Абхазское правительство ввело алфавит Марра. Однако жизнь показала, что в этом споре Марр был не прав – его алфавит просуществовал всего несколько лет и исчез...» [8, с. 172-173].

Не без колебаний и споров алфавит Марра все же пришлось принять. Дело в том, что переход на латинские алфавиты в национальных республиках поощрялся из Москвы, что являлось по существу прямой директивой. Так, внедрение латинизиро-

---

¹ Филиал архива РАН, Санкт-Петербург, фонд Н.Я. Марра, № 30, л. 17-18.

ванной графики для кабардинского языка, автором которой был Б. Хуранов, началось еще в 1923 году. В том же 1923 году был утвержден и принят латинский алфавит для ингушского языка. Адыгейская графика была переведена с арабской на латинскую в 1927 году. В Азербайджане переход на латинскую графику произошел еще в 1922 году. Ленин называл переход восточных народов на латинскую систему письма «самой великой Революцией», «Великой революцией на Востоке» (см. [1, с. 5, 8]).

С другой стороны, Марр в СССР считался главным и абхазоведом, и кавказоведом, и вообще главным лингвистом, влияние его было огромным. Эти немаловажные обстоятельства, вкупе с личной харизмой Марра, с подкупавшими абхазов его академизмом и «столичностью» и, надо признать, с напористостью академика, лично и достаточно горячо участвовавшего в лоббировании своего алфавита на заседаниях в Сухуме, убедили руководство Абхазии и часть интеллигенции в необходимости принятия его алфавита в качестве основы нового абхазского письма. Как пишет в своем памфлете Михаил Делба, «Н.Я. Марр буквально навязал нам свой искусственный «абхазский аналитический алфавит...».[12, с. 7].

Ситуацию с введением нового алфавита образно описывает Георгий Гулиа: «Словом, вводится новый алфавит. Учителя переучиваются, журналисты переучиваются, литераторы переучиваются. Ученики старательно выводят замысловатые иероглифы. Позабыл поставить сбоку маленький кружок – получил совершенно новый знак. Упустил птичку сверху – опять новый знак. Точки, закавычки, птичечки, кружочки вокруг ветвистых начертаний букв!».

По словам Н.Ф. Яковлева [27, с. 49], алфавит Марра был принят в Абхазии в 1924 году (см. выше о заседании комиссии при Наркомпросе Абхазии 30 июня 1924 г.) и практически введен в школы и печать в 1925 году. Однако, судя по дате упомянутого выше заседания – октябрь 1925 года, следует полагать, что на самом деле внедрение алфавита осуществилось лишь в следующем году, о чем пишет А. Хашба [22, с. 50]: «Новый абхазский аналитический алфавит начал действовать практически с 1926 года»; см. так же [5, с. 58].

И, тем не менее, в статье, датированной 1926 годом, А. Чочуа пишет: «В ближайшем будущем будет проведена рефор-

ма абхазского шрифта путем перехода на латинский шрифт. Научная разработка и нового алфавита и художественная его отделка уже заканчивается» [25, с. 142]. Если статья была написана в 1926 г., что вполне вероятно, то это означает, что на момент ее написания алфавит был еще не введен. См. также следующую фразу А. Хашба [22, с. 53]: «Когда после введения абхазского аналитического алфавита в 1927 году ...».

Действительно, как сообщает Д. Гулиа в своей записке в Совнарком Абхазии от января 1928 года, шрифт по новому абхазскому букварю был изготовлен в 1927 году и в том же году на нем был напечатан абхазский букварь (см. [11, с. 408]), что также следует считать указанием на год практического внедрения марровского алфавита. С другой стороны, сам Д. Гулиа в письме к Н. Марру, датированному 27 октября 1925 года, ссылается на уже напечатанную на новом алфавите абхазскую азбуку. Но, по-видимому, эта азбука вышла столь ограниченным тиражом, что при запросе Дмитрия Гулиа получить эту азбуку у А.М. Чочуа, у последнего, как выяснилось, имелся лишь один экземпляр книги (см. [11, с. 448]).

В датируемым 1933 годом и, по-видимому, неизданном очерке А. Н. Генко «Абхазский язык» для планируемой «Северо-кавказской энциклопедии», автор сообщает: «Попытки применения после 1926 г. в последние три года (1926-1929) абхазского аналитического алфавита акад. Марра, построенного на латинской основе, встретило, однако, при повседневном употреблении значительные затруднения практического порядка. Поэтому с начала 1929 года в Абхазии введен и применяется до настоящего времени новый латинский алфавит, разработанный на основе т.наз. Нового Тюркского алфавита».¹

В упомянутом выше памфлете М. Делба пишет: «...абхазский аналитический алфавит Н.Я. Марра ... лишь с большим трудом продержался только два года и был заменен» [12, с. 8]. Если учесть, что новый латинский алфавит был принят в 1929 году, то минус два года, по-видимому, и будет означать 1927 год как год практического введения марровского алфавита.

---

¹ Рукопись в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. Фонд 74 (архив А.Н. Генко).

«Аналитический» алфавит Н. Я. Марра и попытки его реформы.

Абхазский аналитический алфавит Н. Я. Марра состоял из 67 основных букв, основанных на латинской графике, а также 9 дополнительных знаков для передачи специфических фонем бзыпского диалекта, в общей сложности 76 графических символов. Из них 6 знаков использовались для передачи гласных (а е и о u э), два для полугласных (у w), и остальные для согласных.

Серьезным системным недостатком марровского алфавита являлось использование разных базисных знаков для простых фонем и их дериватов по тембровому (твердость-смягченность) или ларингальному (придыхательность-глоттализованность) признакам, что лишало близкие фонемы графической связи между ними.

Другим существенным недостатком практического характера можно назвать употребление диакритики там, где можно было подобрать соответствующие буквы, или же их сочетания. Ср. замечание по этому поводу у Поливанова: «Если употребление точек ` и в ряду переднеязычных (для звуков типа ц и ч) и может быть оправдано теоретически, как своеобразный аналитический прием, то технически – это прием убийственный (комментарии, думаю, излишни: зачем в практическом письме запутывать так дело, когда можно для звуков данных типов найти особые буквы?)» [2, с. 234].

В целом, абхазский аналитический алфавит академика Н.Я. Марра, при всей его «научности», оказался на практике совершенным монстром, внедрение которого при первом же опыте его использования показало его полную непригодность для целей школьного образования, литературного творчества и делопроизводства. Сразу же после внедрения в практику нового алфавита стало ясно, что «абхазский эксперимент» Марра потерпел фиаско. Со стороны учителей, а также части интеллигенции, включая влиятельного Дмитрия Гулия, стали поступать жалобы о чрезвычайной сложности и непрактичности предложенного академиком алфавита.

Как описывал эту ситуацию в своем докладе на II пленуме Всесоюзного ЦК Нового Тюркского Алфавита¹ в 1928 г. в Таш-

---

¹ «Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита».

кенте абхазский педагог Кондратий Дзидзария: «Когда среди абхазских работников возникла мысль о переходе на латинский алфавит, они естественно обратились к ак. Н. Я. Марру с просьбой составить алфавит для практической работы в школе и для письменности. В ответ на это академик Марр предложил ... употреблять в школах его научную транскрипцию почти в неизменном виде. Практическое удобство своей транскрипции академик Марр мотивировал тем, что она построена на чисто научных основаниях и поэтому является наилучшей для школьного употребления. Транскрипция академика Марра много раз обсуждалась абхазскими работниками, и они обращались к нему с просьбой упростить эту транскрипцию. Академик Марр поручил художникам перерисовать формы букв, не изменяя самой системы их, и в этом виде алфавит был принят осенью 1925. Статьи на новом алфавите вызвали массовые отклики с мест о его практической трудности. Затем, организованные в августе 1927 года курсы в гор. Сухуме для массового учительства и сельских секретарей, организованные для ознакомления с новым алфавитом и для изучения его, ясно показали отрицательное отношение курсантов к новому алфавиту, вследствие его больших трудностей, даже по сравнению со старым алфавитом» (цит. по [27, с. 48-49]).

Негативную позицию по марровскому аналитическому алфавиту заняли и такие крупные кавказоведы, как Н.Ф. Яковлев и А.Н. Генко. Как пишет В. Бобровников, «Потерпела фиаско его [Н.Я. Марра] реформа введения в Абхазии «аналитического» алфавита, против которой А.Н. Генко выступил в 1928 г. вместе с известными лингвистами Е.Д. Поливановым и Н.Ф. Яковлевым».¹

В своей полемической статье «Аналитический или новый алфавит?» Н. Ф. Яковлев [27, с. 50] писал: «Скажем только, что абхазский аналитический алфавит, являвшийся для своего времени крупным научным достижением, в настоящее время значительно устарел и требует переработки вместе с основанной на нем яфетидологической транскрипцией. Мне кажется, мы вправе были отнести такой алфавит к фонетическим транскрипциям “со

---

¹ См. В. Бобровников. *Настоящий ученый любит все острое, парадоксальное, антипопулярное. Памяти востоковеда А. Генко* // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1338674340>; 01:59 03.06.2012.

множеством иногда очень сложных случайно выбранных значков” <...>. Столь же велики недостатки абхазского аналитического алфавита и с точки зрения практической — педагогической и производственной. Благодаря обилию одинаковых стержневых букв ААА чрезвычайно трудно запоминается».

Резко отрицательного мнения об алфавите был крупный ориенталист Евгений Поливанов, хорошо знакомый с данной проблематикой. Как он иронично отмечал в своем докладе 1927 г. «Абхазский аналитический алфавит», опубликованном лишь недавно¹: «Можно подумать, что Н.Я. Марр сознательно ставил в число своих задач не простоту, а наоборот — сложность букв своего алфавита». Подвергнув детальному критическому разбору алфавит Марра, Поливанов упрекал его автора в ненужности для практического письма «научности», в бросающемся в глаза нежеланием считаться с интересами школы и практики. Он отмечал, что обилие точек над и под буквами чрезвычайно затрудняет пишущему и читающему — приходится беспрерывно отрывать перо от строки, а сама система точек и других значков «запоминается с большим трудом и требует колоссальных усилий как со стороны учащихся, так и со стороны преподавателя».

Поливанов делает уничтожающие выводы: «Итак ААА [абхазский аналитический алфавит] не выдерживает ни тех требований, какие могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более, — тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму. Какой же вывод? А вывод тот, что чем скорее будет ликвидирован этот опыт с ААА в Абхазии, тем лучше и для Абхазии, сделавшейся объектом данного яфетидологического эксперимента, и для других народностей, стоящих перед реформой своей письменности: ликвидация абхазского прецедента даст им возможность избежать опасных рецептов «яфетидологической транскрипции» [2, с. 236].

---

¹ См. [2]. Текст доклада был послан автором в Комиссариат Народного Просвещения Абхазской ССР в ноябре 1927 г. Еще до этой даты доклад был читан им в Москве, а затем повторен 9 марта 1928 г. на заседании секции языка и литературы в рамках коллективной темы *Вопросы прикладной лингвистики* Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов советского Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук; см. об этом [2, с. 197-198].

В своей статье о Марре как абхазоведе Арсений Хашба довольно эмоционально пишет об участии Поливанова в критике марровского алфавита: «В Абхазии в этот период из индоевропейцев действовал «тихой сапой» проф. Поливанов, который всячески тормозил работу в проведении нового аналитического алфавита» [22, с. 54].

В письме к Н. Марру от 5 апреля 1928 года А. Чочуа сообщал: «Абхазская азбука на новом алфавите вышла <...>. Новая азбука произвела много шума. Против нового абхазского алфавита были проф. Е.Д. Поливанов и проф. Н.Ф. Яковлев. Проф. Поливанов написал целую критику по поводу нового абхазского алфавита, но своего не дал. Проф. Яковлев тоже. В Туркестане на тюркологическом съезде, в январе текущего года, где были Поливанов и Яковлев, представитель Абхазии – Кондратий Дзидзария, по настоянию, видимо, этих профессоров, выступил с критикой нового алфавита. На съезде с резкой критикой абхазского алфавита также выступил председатель ЦИКа Азербайджана т. Агамалы-оглы. В конце февраля в одной из столичных газет помещена была его статья под заголовком «Великая революция на Востоке». В этой статье довольно достаточно отводится место критике нового абхазского алфавита».¹

Несколько слов о Поливанове. Евгений Дмитриевич Поливанов (1881-1938) был крупным лингвистом-полиглотом, специалистом по японскому и другим восточным языкам, теоретиком языкознания. Хотя нам мало известно о его занятиях абхазским языком, одним из очевидных результатов интереса к абхазоведению стала его статья «Абхазская литература» в Литературной энциклопедии [18]. Кроме того, им был написан не дошедший до нас очерк «Фонетическая характеристика абхазского языка».² Что более важно, в Фонде академика Н.Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале архива АН России, сохранился доклад Поливанова 1927 года «Абхазский аналитический алфавит», в котором автор детально анализирует и критикует принятый в Абхазии алфавит Марра.³ Судьба Поливанова, которого некото-

---

1 См. [24, с. 262; 125, с. 221-222]. Кстати, тексты этого письма Марру в изданиях 1976 и 1987 гг. не вполне совпадают.

2 См. [2, с. 201].

3 [17]. Видимо, именно об этой работе упоминает А. Чочуа в цитированном выше письме Марру.

рые современники считали гениальным, трагична. В 1938 году он разделил печальную судьбу первых абхазских лингвистов и учеников Марра А. Хашба и В. Кукба, как и многих тысяч других невинно загубленных людей, попавших в ад сталинских репрессий.

Дебаты о вновь принятом алфавите не прекращались, о чем следует из отчета Академии Абхазского языка и литературы за 1925 – 1928 гг. Так, в 1926 году Академия заслушала доклады К. Дзидзария и С. Бжания о степени усвоения учащимися нового абхазского алфавита Н. Марра. В 1927 г. «в целях упрощения нового абхазского алфавита заслушаны и проработаны соображения нескольких товарищей, в том числе и лекция профессора Яковлева и соображения некоторых товарищей по этому вопросу, на что потребовалось несколько заседаний» (см. [11, с. 393, 403]). Об этом пишет и Яковлев в письме Р.О. Шор от 14 сентября 1927 года: «В Абхазии я прочёл курс грамматики и абхазские учителя поднесли мне адрес, в котором, меж. проч., просят меня переговорить с Ник. Яковл. <Марром> об упрощении его абхазского алфавита. Вот так поручение!?!».¹ В 1928 году «совместно с академиком Марром обсужден вопрос возможного упрощения нового абхазского аналитического алфавита. Принципиальное согласие Н.Я. Марра на упрощение нового алфавита достигнуто» (см. [11, с. 394, 403-404]).

«Унифицированный» абхазский алфавит.

Недовольство марровским алфавитом было почти всеобщим, что вынудило власти серьезно готовиться к его реформе. Вот как описывает эту ситуацию А. Хашба [22, с. 55]: «в Абхазии «оппозиция» против аналитического алфавита все более и более наступала и к концу 1928 года практически был поставлен вопрос о замене яфетидологического письма новым письмом на основе «Иан алифа».² Начались с разных сторон сыпаться различные «проекты» алфавитов, подняли голову и открыто выступили т.н. индоевропейцы в лице Поливанова и др. или типа временных попутчиков яфетической теории (Яковлев Н.Ф., Генко А.Н. и др.)».

---

1 Архив Российской академии наук, ф. 677, оп. 3, д. 107, л. 114 об.; цит. по [2, с. 204].

2 Тюрк. «Новый алфавит», латинизированный алфавит, принятый для тюркских народов.

Как сообщает Х. Бгажба [5, с. 58], с целью упрощения алфавита Марра Наркомпросом Абхазии была создана специальная комиссия, которая признала целесообразным немного упростить начертание некоторых букв, изъяв из него знаки, изображающие специфические бзыпские фонемы. Помимо Яковлева, участие в обсуждении реформы абхазской письменности принимал и другой выдающийся кавказовед, Анатолий Несторович Генко. Из его отчета о летней экспедиции на Кавказ явствует, что по приезду в Сухум в июне 1928 года он был привлечен к работе Комиссии по реформе абхазского алфавита, где прочитал по предложению Председателя ЦИК ССР Абхазии Самсона Чанба два доклада — «О существующих абхазских алфавитах» и «О принципах лингвистического анализа звуковой системы языка».¹ По возвращении в Сухум из экспедиции он продолжил участие в работе комиссии по реформе алфавита.²

В письме востоковеду Ф. А. Розенбергу от 19 июня 1928 г. А.Н. Генко пишет, что, приехав в Сухум, он попал «в крайне двусмысленное положение — именно абхазские деятели просвещения атаковали меня по части реформы абхазского шрифта, предложенного Ник. Як-чем»³. Не имея никакой возможности, без ущерба для своего намеченного предприятия, совсем уклониться от этого дела, я должен был давать им разные советы, которые клонились к изменению системы Н.Я. Опасаюсь взрыва ярости по своему адресу, но делать абсолютно нечего».⁴

До сих пор существует неясность по поводу авторства нового абхазского «унифицированного» латинского алфавита, пришедшего на смену марровскому «аналитическому алфавиту». Как пишет Х. Бгажба [5, с. 58-59], в 1928 г. Наркомпрос Абхазии поручил профессору Н.Ф. Яковлеву составление нового латинизированного абхазского алфавита. На сводной таблице абхазских алфавитов в книге Бгажба [5, с. 65] алфавит под номе-

---

1 См. [6, с. 123].

2 См. «Отчет научного сотрудника АМ А.Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ. Приложение к протоколу XVII заседания ОГН Академии Наук СССР 28 ноября 1928 года.» // *Известия Академии наук Союза Советских Социалистических Республик*. VII серия. Отделение гуманитарных наук. № 8-10. 1928, с. 570.

3 Т.е. Николаем Яковлевичем Марром.

4 «Письменный Фонд Архива Российской Академии Наук», ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 4. Цит. по [6, с. 107].

ром 5 называется «латинизированный алфавит Н.Ф. Яковлева». Однако по сообщению А. Хашба [22, с. 55], современника и участника событий, новый алфавит был разработан Е.Д. Поливановым. Как он пишет, «Руководство Народного комиссариата просвещения Абхазии в лице С.Я. Чанба сдало свои позиции и стало на путь реформы письма. Был принят проект нового письма, предложенный Поливановым, исправленный Чанбой С. и Хашба М. при участии Н.Ф. Яковлева».

Об участии С. Чанба, видного абхазского писателя, в составлении или редактировании нового латинского алфавита свидетельствует пометка рукой А. Генко на машинописной рукописи тезисов доклада В. Кукба «Проф. Н. Яковлев и Н.¹ Генко как исследователи горских языков Кавказа». Кукба пишет: «В области составления алфавита для горских языков, Яковлев является ярким противником применения яфетидологической транскрипции, переработанной применительно к практическому письму и вместе с Поливановым он провалил алфавит там, где он применялся, заменив его своим алфавитом». Над фразой «заменяв его своим алфавитом» сверху рукой Генко приписано: «Чанба».²

Интересно, что сам Бгажба в указанной книге [5, с. 59] упоминает критические замечания Яковлева по поводу нового латинизированного алфавита, что может служить косвенным подтверждением сообщения А. Хашба об авторстве Поливанова, иначе критика Яковлевым собственного алфавита выглядела бы странной. С другой стороны, нет упоминания имени Поливанова и в чрезвычайно интересных мемуарах Мушни Хашба [3, с. 306-375], участника тех событий, где рассказывается об основных перипетиях, связанных с созданием нового латинизированного алфавита и о роли Н.Ф. Яковлева. Это, по-видимому, объясняется тем обстоятельством, что в 1938 году Поливанов был арестован и расстрелян по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии и на упоминание его имени какое-то время существовало табу.³

---

1 Так в тексте.

2 Архив Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, фонд 74.

3 В 1963 году Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор и дело в отношении Поливанова за отсутствие состава преступления.

Ситуацию с участием Поливанова в составлении новой версии абхазской латиницы несколько проясняет стенограмма Третьего Пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита (1928 г.). Выступивший на пленуме кавказовед и иранист Л.И. Жирков упрекнул Научный Совет Комитета за то, что по абхазскому алфавиту не было запрошено мнение специалистов, и что «была использована только опытность Поливанова, но в этой области имеются труды и других специалистов, которых обойти нельзя, например, профессора Яковлева».¹ Сам Яковлев в своем выступлении также выразил сожаление в том, что «Запрос был послан проф. Поливанову, который является специалистом по дальневосточным и узбекским языкам и почему-то его сделали специалистом и по абхазскому, и почему-то не потрудились узнать, кто сейчас из учёных РСФСР является специалистом по этому вопросу».²

В своем ответе на эти упреки, Поливанов заявил: «Здесь сказали, что мне было поручено сделать два проекта алфавитов – дунганский и абхазский, но я заявляю, что я лично не брал такой задачи, потому что сидя в Москве и имея сношения только с двумя абхазцами, не представляется возможным сделать хороший алфавит, потому что нужно учитывать и настроение масс и все те спорные вопросы нововводимых начертаний, которые возникают в местной учительской, главным образом, среде. Всё это можно решить только зная настроение местных школьных работников, поэтому я ограничился лишь очень пространными записками, но со скромным назначением, с задачей выяснения принципов, на основании которых можно создать данный алфавит. Составить же проект алфавита от «а» до «я», послать его на места с рекомендацией Научного Совета с тем, чтобы на следующий же день жизнь опрокинула этот вдали от масс составленный проект – на это я никогда не решался».³

Свою версию процесса создания и авторства нового абхазского алфавита высказал член ЦК Нового Тюркского Алфавита Б.В. Чобан-Заде: «Следующий вопрос, которым мы занимались, – это была разработка абхазского алфавита. Абхазский алфавит по своим звукам является более сложным, чем языки Дагестана,

---

1 [19, с. 12].

2 [19, с. 126-127].

3 [19, с. 133].

о которых я только что говорил. В Абхазии, как известно Пленуму, существовал аналитический алфавит ак. Н. Я. Марра. Этот алфавит имеет приблизительно 70 звуков и даже больше, но он был объявлен негодным для практических – школьных и государственных целей. Мы же разработали практический школьный алфавит и он отвечает всем требованиям. Проф. Поливанов также пришёл к тому заключению, что этот алфавит может быть принят, хотя проф. Поливанов намечал создание другого проекта абхазского алфавита. Этот проект мы переслали на заключение в Комитет Абхазии. Окончательная же проработка абхазского алфавита была произведена местными работниками, в особенности т.т. Чанба и Хашба. Они у себя с помощью культурного актива, с помощью научных работников составили проект, который с графической стороны отвечает всем требованиям и является наиболее простейшим из проектов, которые были до сих пор. Таким образом, этот проект был нами одобрен».¹

Учитывая все это, можно резюмировать, что после ознакомления с докладом Поливанова 1927 г. с критикой алфавита Марра, абхазское руководство и Комиссия по реформе абхазского алфавита, убедившись в компетентности ученого, могли попросить Научный Совет Всесоюзного ЦК Нового Тюркского Алфавита привлечь именно его к составлению новой версии абхазской латиницы. Поливанов, по его словам, послал в Сухум развернутые рекомендации по составлению обновленной письменности, хотя цитируемый выше Арсений Хашба прямо говорит о присланном Поливановым именно проекте алфавита. Как бы то ни было, Самсон Чанба и Мушни Хашба, опираясь на рекомендации, предложения или даже проект Поливанова, либо/и на проект, созданный ЦК Нового Тюркского Алфавита, создали дизайн нового абхазского алфавита, при этом пользуясь советами как А.Н. Генко (см. выше), так и признанного авторитета в составлении алфавитов для языков Северного Кавказа Н.Ф. Яковлева, чье участие в этом процессе однако, к явному недовольствию самого Яковлева, было лишь неформальным.

В отчетном сообщении на III пленуме Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита Д. Камчин-

---

¹ [19, с. 110].

Бек [13, с. 63], в связи с ситуацией с принятым в Абхазии алфавитом, писал: «В 1925 г. был принят латинизированный аналитический алфавит, предложенный акад. Н. Я. Марром, с 62 знаками. Громоздкость этого аналитического алфавита по количеству знаков и по трудности изображений знаков вынудила Абхазскую республику отнестись к его применению с большой осторожностью. Алфавит, предложенный акад. Марром, испытывался в течение трех лет, и в результате от него пришлось отказаться, ибо усвоить и удержать в памяти 62 знака, к тому же трудно изображимых, не могли бы не только учащиеся, но, пожалуй, и сами учащие. Поэтому перед Абхазской республикой вновь выдвинулся вопрос принятия для своего языка более легкого, быстроусвояемого алфавита и этот алфавит оказался общепринятым тюрко-татарскими народностями новый алфавит. Теперь окончательно разрешен и принят новый абхазский алфавит, построенный на основе общеунифицированного с добавлением ряда приближенных знаков для обозначения тех или иных своеобразных звуков абхазского языка. Этот алфавит явится путеводной звездой приобщения к пролетарской культуре и абхазского народа. Остается пожелать успеха абхазскому народу, долго искавшему пути разрешения алфавитного вопроса».

В школьную практику новый латинизированный алфавит был внедрен в 1929 г. и функционировал вплоть до 1938 г. Однако и по поводу этого алфавита среди абхазской интеллигенции единства мнений не было. Так, его внедрение заслужило положительный отклик у Д.И. Гулиа, хотя он и предлагал некоторые меры к его усовершенствованию.¹ И все же, судя по книге Георгия Гулиа, идея обновленного алфавита на латинской графической основе не была принята его отцом. Вот что пишет по этому поводу Георгий Гулиа: «Алфавита [Марра] уже не было, но остался колоссальный и моральный ущерб. Началась серия безрассудных экспериментов: вместо того, чтобы немедленно вернуться к старому алфавиту, испытанному временем, стали заваривать кашу с алфавитом на латинской основе. Почему на латинской основе – спрашивал [Дмитрий] Гулиа. Ему объясняли, что этот дескать, не такой, как марровский. Тот действи-

---

¹ См. газетные заметки Гулиа [9] и [10], а также письмо Гулиа к А.М. Чочуа от 19 сентября 1928 г. (опубл. в Гулиа 11, с. 386-387).

тельно был плох. А этот, на латинской основе, хорош. <...> И опять же приводился знакомый довод: многие республики перешли на латинский алфавит. Неужели отстанут от других абхазцы?» [8, с. 173].

Другой специалист, Арсений Хашба, был не менее критичен. Он писал: «Новое «письмо», составленное на основе латинизированного алфавита, примененного для тюрко-татарских языков, было принято без учета системы и специфики звуков абхазо-адыгейской группы языков, в частности, абхазского. Алфавит этот, как сейчас признано, не имеет последовательной системы и даже некоторые сейчас поднимают вопрос, а не лучше ли перейти к старому русскому алфавиту?» [22, с. 55].

Особенности нового латинского алфавита.

Новый абхазский алфавит содержал 63 буквы (ср. 67 букв у Марра). Из них 11 представляли собой буквенные сочетания, а именно, сочетание базового знака и вспомогательного знака, указывающего на лабиализованный (буква + знак **u**) или палатализованный (буква + **i**) характер согласного. Остальные представляли собой отдельные знаки. В этом отличие нового алфавита от графической системы Марра, где сочетаний букв вообще не было. Заметно и более умеренное, по сравнению с графикой Марра, употребление диакритики: 16 букв с использованием различных диакритических знаков, против 45 букв с диакритикой в алфавите Марра.

Цитированные выше обвинения Арсения Хашба в отсутствии в новом латинизированном алфавите последовательности в передаче фонем абхазского языка имели под собой реальную основу. Действительно, новый алфавит был лишен системности в использовании средств для передачи лабиализации, палатализации, аспирации и глоттализации, которые отображались различными способами. Хотя, в целом, этот алфавит производил лучшее впечатление своей простотой, чем алфавит Марра, тем не менее, он содержал много идиосинкразических знаков, запоминание которых также представляло собой нелегкую задачу в процессе школьного обучения.

В 1933 году в целях упрощения алфавита из него были изъяты заглавные буквы [5, с. 59]. Помимо стремления к упрощению, в этом факте можно усматривать и влияние грузинского

письма, в котором заглавные буквы отсутствуют. Отсутствовали заглавные буквы и в латинизированном алфавите адыгейского языка (использовался в 1927-1938 гг.).

Конец политики «латинизации».

К середине 1930 годов советская власть закончила экспериментировать с латинизацией алфавитов, по-видимому, расставшись с иллюзией о скорой всемирной пролетарской революции, победа которой предполагала бы введение единого «всемирного» алфавита. Другой, не менее важной причиной отмены латиницы было то, что внедрение последней выполнило задачу смены алфавитов тех мусульманских народов, которые первоначально ориентировались на арабскую графику. Задача отлучения мусульманских масс атеистического советского государства от ислама и от их традиционной ориентации на арабский, ближневосточный культурный мир, была реализована достаточно успешно. Как писал в 1933 г. А.Н. Генко, «Победа над арабизмом достигнута на наших глазах революцией: последний и решительный удар нанес арабизму перевод в 1927-1928 гг. дагестанских алфавитов на латинскую основу».¹

Интересно, что временный и тактический характер латинизации письменностей мусульманских народов СССР предугадал бывший в эмиграции выдающийся русский филолог Н.С. Трубецкой, который в одной из статей сборника своих работ, изданного в Париже в 1927 году, писал: «весьма вероятно, что переход от арабского алфавита к латинскому, вызванный психологическими причинами чисто временного характера, окажется неокончательным и послужит только как бы трамплином для окончательного перехода мусульман Евразии к национальным алфавитам, построенным на основе гражданской кириллицы» (Трубецкой 1995: 206). Основатель и идеолог евразийства, Николай Трубецкой относился к латинскому алфавиту резко отрицательно, считая его символом «обезличивающего империализма романо-германской цивилизации и воинствующего общеромано-германского шовинизма, лицемерно прикрывающегося личиною «интернациональности» и «общечеловечности» [20, с.

---

¹ А.Н. Генко. Судьбы национальной письменности на языках Северн.[ого] Кавказа. 1933. Рукопись в Архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, фонд. 74.

206]. Отмечая достоинства грузинского алфавита, прекрасно приспособленного к грузинскому языку, Трубецкой считал, что он должен стать основой письменности для родственных грузинскому мегрельского и сванского языков. Однако, подчеркивал он, «уже к абхазскому языку грузинский алфавит неприменим, хотя древняя культурная связь между Абхазией и Грузией подсказывала бы приспособление к этому языку именно грузинского алфавита» (там же, с. 203).

Выполнив свою роль, латинские алфавиты бывших мусульманских народов России оказались уже ненужными, и в 1935 г. в СССР происходит переориентация с латинизированных алфавитов на русский. Уже в 1935-1938 гг. в тех республиках, где ранее была принята латиница, был осуществлен переход на кириллическую графику. Так, в 1935 году на русскую основу был переведен алфавит в Кабарде. В 1938 году на русскую основу был переведен абазинский алфавит.

Однако было два исключения – в 1938 г. алфавиты абхазов и южных осетин были переведены не на русскую, а на грузинскую графическую основу. Перевод абхазской латинской системы письма на грузинскую был одним из мероприятий, подготавливающих предстоящую отмену преподавания в школах абхазского языка и перевода обучения в Абхазии на грузинский язык. Действительно, в 1945 году образование на абхазском языке было упразднено, и единственным языком обучения для абхазских детей стал непонятный им грузинский язык. После смерти Сталина и Берии абхазские школы были вновь открыты, а в 1954 г. абхазы вернулись к алфавиту на основе кириллицы.

Современные тенденции на Кавказе и в Диаспоре.

В новое время появился целый ряд разработок различных версий абхазо-адыгских алфавитов на латинской графической основе. Для абхазского языка это проекты Омара Бейгуа (Omar Bëuyka; Турция), Мурата Ягана (Murat Yagan; Канада), Джорджа Хьюитта (George Hewitt; Великобритания), Зафера Ажиба (Ajiba Zafer Süren; Турция), Гунды Анкваб (Gunda Ankuab; Турция/Абхазия); для абазинского языка – алфавитный проект поэта Микаэля Чикатуева (Карачаево-Черкесия), для абхазского и абазинского языков – проект Гарри Конджария (Абхазия). Версия единого латинского алфавита для кавказских языков, распространенных в Турции, – адыгейского, кабардинского, абхаз-

ского, абазинского, осетинского и чеченского – была предложена турецким адыгом Йилмезом Йемузом (Yılmaz Yemuz). Проект единого латинизированного алфавита для абхазского, абазинского, адыгейского и кабардинского языков был разработан в 1991 – 2003 гг. автором данной статьи; см. опубликованный проект единого романизированного алфавита для абхазов и абазин [23].

Тем не менее, является очевидным, что в данный исторический период современные кириллические алфавиты для абхазо-адыгских народов являются оптимальным средством для их культурных и образовательных нужд, и смена нынешних алфавитов на латинизированные не является актуальной. В то же время имеется запрос со стороны абхазской и абазинской общности на создание единого абхазо-абазинского алфавита на основе русской графики, что представляет собой важный культурологический проект.

Литература

1. Агамали-оглы С.А. Культурная революция и новый алфавит // Культура и письменность Востока. Книга III-я. – Баку: Издание В.Ц.К. Н.Т.А., 1928, с. 3-9.
2. Андронов А.В., Симонато Е.И., Томеллери В.С. Евгений Дмитриевич Поливанов. Абхазский Аналитический Алфавит. Издание текста с переводом на английский язык // Studi Slavistici XIV. – Firenze, 2017, p. 191-252.
3. Ахашба М. Аацынра амшкэа раан. Агэалашэарақэа рыкнытэ. Иаццаны аѳбатэи атыжъра. – Ақэа, 1977.
4. Ащхацава С. Пути развития Абхазской истории. Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном Краеведческом Съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г. – Сухум: Издательство Наркомпроса ССР Абхазии, 1925.
5. Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. – Тбилиси: Мецниереба, 1967.
6. Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко // Д.Д. Тумаркин (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. Вып. I. – Москва: Восточная литература, 1999, с. 101-134.
7. Врубель С. А. Унификация и латинизация // Культура и письменность Востока. Книга VII – VIII. – Москва: Издание Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита при Президиуме ЦИК СССР, 1931, с. 125-130.
8. Гулиа Г.Д. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. – Москва: Молодая Гвардия. 1965.

9. Гулиа Д.И. Ацсуа алфавит җыщ // Газ. Ацсны Кацшь, февраль 14, № 11, 1929.
10. Гулиа Д.И. Ацсышэала афра ашыакэыргылашыа (орфография) азы // Газ. «Ацсны Кацшь», февраль 14, № 11, 1929а.
11. Гулиа Д.И. Иҗымтакэа. Ажэеинраалакэа, ажэабжыкэа, афольклортэи аетнографиатэи нцамтакэа, аитагакэа, астатиакэа, артцага шэыкэкэа, асалам шэыкэкэа. – Аҗэа: Алашарбага, 2003.
12. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов. – Сухуми: Издание АбГИЗа, 1951.
13. Камчин-Бек Д. Наши успехи и достижения. (К III-му Пленуму ВЦК НТД) // Культура и письменность Востока. Книга III-я. – Баку: Издание В.Ц.К.Н.Т.А., 1928, с. 58-90.
14. Марр Н.Я. Избранные работы. Том 2. Основные вопросы языкознания. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
15. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1938.
16. Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1948.
17. Поливанов Е.Д. Абхазский аналитический алфавит. (Опыт критического анализа). – Фонд академика Н.Я. Марра, Санкт-Петербургский филиал архива АН Российской Федерации, Ф. 800, оп. 6 (3508) (Е). Чужие работы. Е-395, [1927], л. 1-23.
18. Поливанов Е.Д. Абхазская литература // Литературная энциклопедия. В 11 томах. Т. – Москва: Изд-во Ком. Акад., 1930, стлб. 16–18.
19. Стенографический отчет Третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г. – Москва: Издание ВЦКНТА, 1929.
20. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – Москва: Прогресс-Универс, 1995.
21. Хашба А. К. Очерк по истории абхазской письменности (до 1917 года) // ТАБНИИК, вып. первый. – Сухум: Издание АБНИИК'а, 1934, с. 146-167.
22. Хашба А.К. Академик Н.Я. Марр о языке и истории абхазов // Труды Института абхазской культуры им. Акад. Н.Я. Марра. Вып. IV. – Сухум; тж. отдельный оттиск, 1936. – 70 с.
23. Чирикба В.А. Еизаку ацсуа-абаза алфавит алатин шыаҗала. Апроект. Латин хҗарыф зыщата йштҗу апсуа-абаза алфавит. Проект. Единый абхазо-абазинский алфавит на латинской графической основе. Проект. – Сухум, 2019.
24. Чочуа А.М. Собрание сочинений в трех томах. Том третий. – Сухуми: Алашара. 1976.
25. Чочуа А.М. Избранные сочинения. – Тбилиси: Мецниереба. 1987.

26. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Книга VI. – Баку: Издание В.Ц.К. Н.Т.А., 1930, с. 27-43.
27. Яковлев Н.Ф. Аналитический или новый алфавит? // Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. – Москва, Кн. X, 1931, с. 43-60.
28. Abitp M. Cerqes Elifbe Apsıfsele. Yıvız: Abitp – M. Aşıqse 1. A rıy a fşeki, a tsEre zimov; yirbeyt, yirgüepxeyt. – IstampEil: 1335 – 1919. – şimāli kafkas ğem'iyetī mekteb kütübhānesi nūmaru 2. abhāz alifbāsı. apşive alifbe. beşiktāş inās terakki mektebi müdirī büt muştafa. istānbül: maţba'a-ı aĥmad iĥsān ve şirakāsı. 1335 – 1919. – 34 c.
29. Cherchi M., Manning H.P. Niko Marr vs. his Georgian students on Tbilisi State University and the Japhetidology/ Caucasology schism // Center for Russian and East European Studies. –The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies, No. 163. University Center for International Studies. University of Pittsburgh. 2002.

ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(на материале абазинского языка)

С.У. Пазов

*Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У. Д. Алиева, к.филол.н., профессор,
г. Карачаевск, Россия*

***Аннотация.** В представленной работе на материале абазинского языка рассматриваются материалы, свидетельствующие о постепенном фактическом снижении функциональной востребованности языков малочисленных народов, несмотря на существующую международную, российскую и региональную благоприятную законодательную базу; предпринята попытка выявления отдельных лингвистических и экстралингвистических факторов развития языка, в целом.*

***Ключевые слова:** абазинский язык, родной язык, лингвистические и экстралингвистические факторы, языковое строительство, национальное самосознание.*

В современном мире большинство стран является многонациональными государствами. В Российской Федерации зафиксированы 193 национальности, говорящие на 300 языках и диа-